

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ О ГОРЬКОМ

Перед нами старый и вечно новый вопрос о гармоническом сосуществовании личности и общества, - этих враждующих начал, враждующих из века в век, упорно и нескончаемо. И всякая серьезная попытка разрешить спор между личностью и обществом невольно привлекает к себе внимание и заставляет прислушиваться. Горький давно спорит, давно пытается разрешить проблему "я" и общества, - с самого начала своей литературной деятельности. Это не значит, что он все время защищает одну определенную позицию. Между Горьким, который писал "Челкаша", и Горьким - автором "Исповеди", дистанция, поистине, огромного размера, так что Горький-Челкаш является во многих отношениях противоположностью Горького-Ионы. И думается, что такая перемена позиции не есть результат только чисто индивидуальных особенностей его таланта, но свидетельствует о каком-то глубоком сдвиге всей нашей общественной жизни, важной перемене в наших настроениях и чувствах.

Вы помните, читатель, сколько глубоких, свежих чувств и надежд пробуждали в нас его первые произведения? Нас зачаровывало в Горьком безумство отваги, жажда сверкнуть яркой звездой-метеором, песнь об уверенном, гордом сознанием своей мощи и силы, выпрямленном человеке; мы зачитывались его сказками, верили им, не замечали их сказочности. Вместе с Данко нам хотелось вынуть свое горячее сердце и осветить тьму дремучего леса нашей действительности; вместе с Соколом нам хотелось подняться в высь, хотя бы на миг; вместе с Буревестником мы жаждали грозы.

- Человек, - это звучит гордо!

- Все в человеке, все для человека!

Человек, человеческая личность стояли в центре внимания Горького. Ее права утверждал он, за свободу и самобытность личности он боролся.

За что мы ненавидели его мещан?

За их неспособность поднять глаза от земли к небу, за то, что в жертву сытости и серенького благополучия они приносили стремление вмешаться в гущу жизни, за то, что отказывались от борьбы за свое право выпрямиться во весь рост, сознать себя творцами, строителями и властелинами земли.

Что привлекало нас к его босякам и бывшим людям? То, что они были стихийными протестантами, были свободны от пут, сковавших мещанина, что на дне жизни они пели "трагические гимны" человеческой личности, что любили степи, могучий ритм прибоя, любили смотреть в небо. Нам понятны были и Фома Гордеев и Лунев: нам близка была их глухая тоска и недовольство, их неосознанное стремление выковать из себя личность, найти свое место в жизни, их ненависть к будням и медным пятам.

Неудивительно, что вопрос об отношениях личности к обществу Горький разрешал в пользу неограниченных прав человека.

Общество, предъявляющее к отдельному своему члену известные требования, заставляющее его подчиняться, отказываться в той или иной мере от своих наклонностей и потребностей, мало интересовало Горького. Его Данко, Сокол и Буревестник отдавали себя, бросали свою жизнь, жаждали бури от избытка, от богатства сил своих, - дарили, ничего не спрашивая, ничего не предъявляя, ни от чего не отказываясь. Тут не могло быть еще вопроса.

Вопрос возникает тогда, когда начинается между человеком и обществом спор, возникают столкновения, трения, нелады, тяжба. Данко слишком непосредственен, чтобы у него могли возникнуть вопросы о противоречиях между личностью и обществом. Таким же непосредственным был до известной степени и сам Горький.

Но только до известной степени. Перед ним вопрос этот все-таки всплывал. Не сознавая еще всей запутанности и сложности его, Горький разрубал гордиев узел просто и решительно; человек прежде всего и выше всего его личность свята и не должна ничем быть стесняема.

Достаточно указать на его Челкаша, Сатина, бывших людей. В сущности они были паразитами общества. И Горький мирился с этим их паразитизмом, потому, что в глазах его это было не важно и несущественно: он не прикладывал к ним общественной мерки. Важно и существенно было лишь то, что Челкаши его были самобытны, смелы и свободны, как ветер в степи. Правда, Горький говорил: - твори, ибо ты человек, - но ничего определенного в этих звучных словах не было. Чтобы личности человека жилось легче, свободнее, Горький готов был окутать жизнь романтической грезой-мечтой, сном золотым. Всякий сон золотой, навеваемый, с целью скрасить ужасы и животную жестокость жизни, - с точки зрения общественной правды и пользы явление отрицательное, как гашиш или опиум.

Лучше правда, хотя бы и жестокая. Но Горький подходил к этому вопросу, исключительно имея в виду личность человека и потому приветствовал сны золотые во имя тех, кто в них нуждается.

Если вспомнить то предбурное время и предбурное настроение, когда Горький запел свои песни, станет понятно, почему он разрешал вопрос, - поскольку разрешал, - в пользу личности. После сумерек серых чеховских дней, человек стал выпрямляться, почувствовал накопившуюся силу для борьбы за свое счастье, уверовал в себя, сделался смелее, тверже, поднял голову, стал определять свое место в расслоившейся русской жизни, - и Горький отразил этот период в своих повестях и рассказах. Он был Буревестником наших смутных стремлений, нашей жажды извлечь личность человека из забвения, из тех задворков, куда она была заброшена.

Мы росли, определялись, были еще в детском возрасте; по-детски были полны сил, непосредственны и наивны, были горды и самонадеяны. Сладко грезили и видели волшебные сны. Весело о бодро хотелось дарить, расточительно бросать свою жизнь, не спрашивая ничего для себя от тех, кому даришь, не ища опоры.

Вопросы и сомнения еще не возникали, мы не умели еще расчетливо взвешивать, а когда и приходилось делать это, мы разрешали и взвешивали под влиянием непосредственного ощущения своих сил, свежих и не растраченных.

Горьковский индивидуализм был от избытка энергии, от великой жажды свободнее жить; он был одинок, плохо разрешал вопросы о "я" и обществе, но в нем было много юного и свежего задора.

Нурмин